

Александр Лобанов

Студенческие будни

К	Р	О	Н	Ш	Т	А	Д	Т
---	---	---	---	---	---	---	---	---

е и е и м
в

$u(\omega, T) = kT \frac{\omega^2}{\pi^2 c^3}$

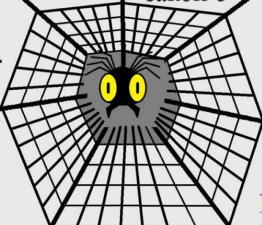

$f(\omega, T) = kT \frac{\omega^2}{4\pi^2 c^2}$

б	А	Л	Д	А
б	У	Л	Ь	К
	М			

С		В
алл	4	4 баул
улла	5	5 мулла
ульда	6	6 мулька

Цена - главный регулятор спроса и предложения на рынке. К факторам, определяющим политику цен относятся:

- цель, которую предприятие ставит перед собой
- реакция покупателей на цену
- ситуация на рынке и конкуренты
- себестоимость продукции
- взаимосвязь цен на сырье и продукты производства
- закон о конкуренции

CC1=C(O)C(CO)=C(O)N=C1CO

Александр Олегович Лобанов

Студенческие будни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68938773

SelfPub; 2023

Аннотация

Студенческая вселенная имеет два полюса: на одном – безудержное веселье начинающейся взрослой жизни, на другом – скольжение по острому лезвию экзаменационной сессии, грозящей срезать слишком уж развеселившихся... А что между этими полюсами? Студенческие будни, одновременно и весёлые, и полные забот. Но так уж устроена человеческая память: плохое она прячет подальше, а хорошее стремится сохранить. Поэтому в воспоминаниях веселье явно преобладает.

Содержание

Пролог	4
Опоздавший и другие	7
Лирическое отступление, часть 1	28
Полибабкология	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Лобанов

Студенческие будни

Пролог

Уходящая натура... Или уже ушедшая? Нет, пожалуй, ещё нет – ведь до тех пор, пока мы помним о чём-то, это что-то по-прежнему существует – хотя бы в нашей памяти. Ну а если мы начинаем забывать – значит настало время перенести это на бумагу, дабы оно продолжило существовать там – вдруг когда-нибудь да понадобится?

Если о чём-то забыли – его как будто и не было никогда... Например, человек. Он жил, строил, создавал... Допустим, несколько сотен лет назад. Если он не был какой-то особенно выдающейся личностью – кто вспомнит о нём спустя эти сотни лет? Даже его далёкие потомки ничего о нём не знают, хотя только благодаря ему существуют и они сами. Какая разница? Жил человек – от него остались потомки, не было его – от других людей остались какие-то другие потомки. Всё это не так уж важно в отвлечённых от маленького человека масштабах глобальной Истории.

Но люди, тем не менее, хотят оставить в ней свой след: так уж они устроены. И если кто-то пытается стереть его, они расстраиваются.

Так и со всем остальным. Скажем, в памятные ещё пока что многим времена СССР было основано множество различных учебных заведений: и высших, и не очень. Стране нужны кадры? Пожалуйста! Она растит их для себя. Растит, растит, растит, а потом... А потом вдруг оказалось, что в новом суперсовременном мире целый ворох специалистов абсолютно не востребован, ибо наступили другие времена. Другие времена штука такая – они почти всегда наступают. Что же делать? Оптимизировать, укрупнять, реструктурировать! Объединять под началом, переформатировать, переручивать. Был когда-то твой ВУЗ, а потом его внезапно оптимизировали и объединили путём поглощения. С сокращением значительного числа неконкурентоспособных в новых условиях факультетов и увольнением не освоивших новых форм обучения преподавателей. Потом пройдёт N лет – и как будто не было этого ВУЗа... А ведь он всё-таки был! И будет, пока остаются люди с выданными им дипломами о высшем образовании.

Именно к одному из таких, ныне удачно реструктурированному и сокращённо-поглощённому Университету спешил в не столь далёком ещё тысяча девятьсот девяносто девятом году главный герой данного повествования. Он шёл по Загородному проспекту города Санкт-Петербурга уверенной походкой вступающего в Старгород Остапа Бендера, жуя на ходу ватрушку с творогом. Возможно, не успел позавтракать дома – с кем не бывает? А ещё, вполне возможно, с учётом

того, насколько сильно он опаздывал, ему стоило бы значительно прибавить шагу или даже вовсе побежать – подобно тому же Остапу Бендеру, когда он стремился как можно скорее покинуть негостеприимные Нью-Васюки. И наш герой непременно побежал бы, но... Всякий знает: жевать ватрушку на бегу куда как неудобнее, чем на ходу.

Звали этого молодого человека Лёха.

Опоздавший и другие

– А теперь запишем термическое уравнение состояния с независимыми переменными T и V в дифференциальной форме¹ и, для удобства, обозначим его "звёздочкой", – почему-то именно сегодня Препод испытывал острый приступ преподавательского вдохновения, выразившегося прежде всего в том, что понять суть его рассуждений могли только самые конченные ботаники.

Остальные – просто делали умное лицо и аккуратно записывали. Препод настолько вошёл во вкус лекции и воспарил над рутинной, что в опережение учебного плана вознамерился уже на этом занятии от термических уравнений состояния перейти к калорическим уравнениям; и на сей раз он дал самому себе твёрдое слово не обращать внимания на глупые смешки студентов, каждый учебный год непременно раздававшиеся при произнесении им слова "калорический".

"Ха-ха-ха! Он сказал "кал", вы слышали? Детский сад, а не Университет! – подумал Препод. – Неужели нельзя хотя бы раз обойтись без этого?"

---

¹ Здесь и далее в данном произведении встречаются научные термины, не всегда знакомые широкому кругу читателей. Поскольку для понимания сюжета наличие примечаний, объясняющих значение этих терминов, совершенно не обязательно, а обилие сносок будет только излишне загромождать текст, автор сознательно решил отказаться от этих примечаний. Но если вы и без сносок всё прекрасно поняли или посмотрели в интернете, то честь вам и хвала!

У профессора были некоторые основания для оптимизма: сегодня аудитория вела себя на редкость мирно, весьма вероятно, благодаря значительному студенческому недокомплекту. Преподаватель любил такие дни. Разве в количестве дело? Дело в качестве! Главное, чтобы всем было комфортно, чтобы ни в коем случае никто не мешал преподавать...

Раздался оглушительный стук, и в приоткрывшуюся дверь просунулась правая рука, сжимающая жёлтый полиэтиленовый пакет, а вслед за ней и голова студента. Преподаватель огорчённо повернулся и со вздохом разочарования посмотрел на вошедшего.

– Я из Кронштадта, – проныл опоздавший в ответ на немой вопрос Преподавателя. Догадливый читатель уже наверняка понял, что это был никто иной, как тот самый любитель ватрушек.

"Из Кронштадта? Из Кронштадта... Замечательно, просто отлично! – с горечью подумал Преподаватель. – Ломоносов пешком пришёл из Архангельска – вот что такое тяга к знаниям! А сейчас, в век автомобилей и железных дорог, студенты не могут явиться вовремя всего лишь из Кронштадта. Да..."

– Как же так, молодой человек? Лекция продолжается уже в течение двадцати минут! – сказал он вслух.

– Ну... Я из Кронштадта, – трагически повторил наш герой. В его понимании данного факта было более чем достаточно, чтобы оправдать опоздание любой продолжительности. А может быть и вовсе: неявку и отсутствие (ведь Крон-

штадт – это почти как Тамбов из знаменитой песни, только наоборот: оттуда не летят самолеты и не едут даже поезда).

Однако Препод был далёк от понимания Лёхиных проблем:

– И вы полагаете, что это даёт вам право вот так бессовестно опаздывать?

"И чего ему ещё надо?" – Лёха переминался с ноги на ногу, теребя в руках свой жёлтый пакет, разговор с Преподом был ему явно неприятен, невыразимое страдание застыло на его лице.

– Н-нет... – он сделал шумный вдох и отрицательно задвигал бровями. – Ну, у меня, это, транспорт... И я поэтому... Опоздал. Вот.

"Транспорт. Опоздал. Из Кронштадта. Просто дэградация какая-то!" (Препод являлся типичным представителем старой советской интеллектуальной элиты и, как было принято в этой части общества, менял в некоторых словах звук "е" на "э". Например: "рэльсы", "пионэры", "Торпэдо" и т. д.) – Мысль Препода была настолько осязаема, что слово "дэградация" буквально повисло в воздухе. Однако вслух он произнёс:

– Ладно, садитесь на место. Надеюсь, что это было в последний раз.

Несмотря на значительное количество пустых мест, Лёха радостно поспешил за самую последнюю парту, попутно оглядывая сидящих и пожимая руки одноклассникам. Он

сразу же обратил внимание на отсутствие в аудитории Димы – старосты группы, более известного среди товарищей как просто "Старый" (старостой его выбрали потому, что он был старше всех на год и утверждал, что "я вас всех ещё вот такими помню!").

"Фак! Какого эса этот отстойный чувак прогуливает? – подумал Лёха, усаживаясь на скамейку и мгновенно принимая вид под условным названием "я здесь уже давно". – На фигу я спешил, если он не отметит это в журнале?"

Возможно, здесь требуется небольшое отступление под названием "журнал". Да, журнал. Даже не так, а вот как: Журнал! С большой буквы "Ж" и с восклицательным знаком. Главное оружие старосты и деканата в борьбе за просвещение студенческих масс: журнал посещаемости. Принцип его работы довольно прост: отсутствие конкретного индивидуума на занятии превращается в букву "н" в журнале, и набравший слишком большое количество таких букв студент очень быстро и легко может перестать быть студентом. Не дожидаясь даже экзаменационной сессии: второго и самого мощного оружия в борьбе за выживание в стенах ВУЗа (или из стен ВУЗа – тут уж как посмотреть).

Заполняет журнал староста группы, подписывают преподаватели, высочайшую резолюцию выносит деканат.

Кто-то скажет, мол, уровень знаний не зависит от посещаемости, а кто-то другой может даже заподозрить в существующей системе признаки коррупционной составляющей, по-

сколькx старосту легко подкупить, например проставив ему пиво и попросив: "Ты уж не отмечай меня, ладно?" Я и не утверждаю, что эта система идеальна, в конце концов выработана она была ещё в девяностые (времена прихватизации и оборотней в погонах), но уж что есть – то есть... К тому же в данном конкретном случае никто не посмел бы упрекнуть старосту в нечистоплотности. Ведь наш Дима – кристальной честности и завидной трудоспособности человек: у него единственного из всей группы не было за полтора года ни одного прогула! Каждый может убедиться в этом лично, стоит ему только заглянуть в Димин журнал. А если он когда и отсутствовал, то исключительно по уважительной причине, о чём имеются справки (оформленные по всем правилам и предоставленные, по его словам, прямо в деканат).

От самого сердца идёт у Димы искренний интерес к учёбе и настойчивая тяга к знаниям. Списывать? Никогда! Уж как его, бывало, упрасивали: "Дима, ну спиши пожалуйста! Сколько можно учиться – на тебе же совсем лица нет!" Ни в коем случае! "Нет! – гордо ответит он. – Я сам должен до всего додуматься и всё понять – или пусть меня отчислят!" В час, когда несознательные и недобросовестные, с позволения сказать, студенты вовсю ленятся, бьют баклуши и кое-что пинают, Дима оформляет отчёт или готовится к коллоквиуму. На такого старосту группа всегда и во всём может положить! Пардон, не положить, а положиться! И совершенно правильно поступают почти все преподаватели, предостав-

для Диме (после его вежливой и скромной просьбы) на экзамене так называемый "дополнительный балл для старосты". Балл, легко позволяющий закрыть любую сессию, поскольку, как все вы понимаете, два плюс один равняется трём, а большего обычному студенту для счастья и не нужно.

Да, что ещё может быть нужно? Разве только повышенная стипендия? С этим всё в порядке было у Серёги, по воле случая оказавшегося сейчас соседом по парте нашего новопривышшего кронштадского героя. Серёга всегда хорошо учился, хотя его ни в коем случае нельзя назвать ботаником. Ведь ботаники учатся ради высоких оценок, красного диплома и туманных перспектив в будущем (если у вас нет нужных связей, конечно. А если есть – зачем вообще ботаничить?), Серёга же был куда прозаичнее. Учиться на отлично он старался исключительно ради повышенной стипендии: триста рублей вместо двухсот сорока² позволяли купить на пять бутылок пива больше. Если кто-то возразит, что, мол, разве стоит оно того, чтобы так надрываться – значит этот кто-то совершенно не представляет, насколько сильно Серёга любит пиво... Ну и другие спиртосодержащие напитки тоже.

Да! Совсем забыл упомянуть очень важную вещь! Вот так оно и бывает: прекрасно помнишь и дифференциальные формы термических уравнений состояния, и цвет любимого

---

² Да, именно таковы были суммы повышенной и обычной стипендий в данном ВУЗе в девяносто девятом году прошлого века. Так что – эй вы там, в будущем! – цените то, что имеете!

го полиэтиленового пакета Лёхи из Кронштадта, и флегматичное лицо Серёги, при одном взгляде на которое сердце наполняется светлым покоем и осознанием тщетности мирской суеты – однако совершенно забываешь о самом главном. А потом приходят на ум спиртосодержащие жидкости – и вспоминаешь! Так вот, огромное значение имеют следующие факты: будущая (если никого из них по воле Препода не отчислят) специальность всех перечисленных (и тех, кого ещё только предстоит перечислить) студентов – "инженер-биотехнолог", а специализация (фанфары!) – "технология пивоварения, виноделия и безалкогольных напитков". Вот оно как! Теперь многие вопросы отпадут сами по себе... Например, почему именно на этом факультете и именно в этой группе оказался страстный поклонник пива Серёга.

Многие любители рано или поздно понимают, что лучший и наименее затратный способ обеспечивать себя желанным продуктом – это производить его самостоятельно (причём продукт этот всегда будет иметь отличное качество, ибо не станешь же ты ругать самого себя за несоответствие ожидаемого и получаемого? Сделанное своими руками а priori самое лучшее, и ты будешь любить его в любом случае, словно собственного ребёнка). А что, если на этом ещё можно и заработать? Великолепно! Дело за малым: перейти из любителей в профессионалы. Аудитории на вступительных экзаменах в ВУЗ буквально по швам трескались от наплыва абитуриентов, рассуждавших подобным образом, но лишь немно-

гие – и Серёга в их числе – были среди тех счастливичков, кому удалось-таки пройти сквозь горнило экзаменов по химии и литературе. Почему-то для того, чтобы стать в будущем пивоваром, обязательно нужно написать сочинение на тему "Петербург Достоевского" или "Чацкий и фамусовское общество". Ладно бы ещё тема была "Почему я так сильно люблю пиво?" Тогда многие, очень многие имели бы куда больше шансов (хотя бы благодаря вдохновению и экспрессии, если не грамотности и писательскому таланту), а так... А так пивоварами становятся всякие ботаники, которые пива почти не пьют. Эх, как несправедлив мир!..

Кто-то может сказать, что через несколько лет всё изменится, и на смену вступительным экзаменам придёт замечательная американская система проходных ЕГЭ-баллов. Придёт-то она придёт... Да вот только наивысший балл опять-таки получают те же самые ботаники. И знаменитые стобалльники из Дагестана, которые вовсе не употребляют алкоголь, поскольку это харам³.

Кстати, раз уж зашёл разговор, пару слов о ботаниках. Два самых главных ботана в группе студентов-пивников – это, без сомнения, Ваня и Саня, сидящие сейчас рядом с Лёхой и Серёгой.

"Что же это за ботаники такие? – обязательно спросил бы меня внимательный читатель, если бы видел лекционную аудиторию так, как вижу её я, автор. – Какие же это ботани-

---

³ Греховное деяние, запрещённое в исламе.

ки: мало того, что сидят на последнем ряду, так ещё и лекцию за Преподом не записывают! Вон – в "балду"⁴ играют! Совсем они даже не ботаны, а наоборот – бездельники и разгильдяи! Нет на них старосты, вот он бы им ужо!.."

Да, да. Оно, конечно, так... Но! Присмотритесь повнимательнее: ну кто, кроме ботаника, может носить очки с такими мощными диоптриями, как у Сани? А кто, подобно Ване, станет ходить в Университет полтора года подряд в одном и том же свитере "с ёлочками"? Если таких стопроцентных критериев ботанства вам мало, тогда я просто не знаю, что и сказать...

То ли дело Препод: ему всегда есть, что сказать. Жаль только, не у всех находится желание слушать. Особенно тогда, когда приближается Перерыв. Именно так – с большой буквы (как и Журнал Димы), поскольку Перерыв в середине пары не менее значимая часть учебного процесса, чем сама пара. Единственная возможность размять занемевшие ноги, распрямить согнутую спину и дать краткий отдых превратившемуся в блин заду – немаловажному органу в деле получения знаний (ведь сидеть приходилось на узких деревянных скамьях, не имеющих поддержки поясницы – что за средние века?). Эх, скольких великих учёных лишилось общество из-

---

⁴ Балда – лингвистическая игра для двух или нескольких игроков, в которой необходимо составлять слова с помощью букв, добавляемых каждым игроком по очереди на квадратное игровое поле. Количество очков, получаемых игроком за каждый ход, равно количеству букв в составленном им слове. Побеждает игрок, набравший наибольшее количество очков.

за отсутствия в лекционных аудиториях стульев! Не все (ой, не все!) студенты могут похвастаться усидчивостью, напрямую коррелирующей с коэффициентом твёрдости задницы. Сколько талантливейших людей бросали начатое со словами: "Не могу больше сидеть – попа затекла!" Именно тогда, стоило им только уйти с лекции, преподаватели, как назло, начинали объяснять самые важные и интересные темы. И потом, на экзамене, словно специально, словно всё записывали и запоминали, спрашивали у невыдержавших и ушедших как раз эти, пропущенные ими, темы. Так что, молодёжь, если хотите в будущем стать учёными – наедайте ягодичные мышцы с детства. Иначе потом рассчитывать вы сможете лишь на него – на Перерыв.

Вот и сейчас начали раздаваться сперва робкие, но затем всё более громкие и требовательные выкрики жаждущих перемены студентов. И как ни странно, настойчивее многих кричал недавний опоздавший Лёха. Но вовсе не потому, что не успел хорошенько прокачать основной в получении знаний орган – о, нет! Как раз с этим всё было в полном порядке. Просто такой уж у него голос: громкий и требовательный.

Однако Препод, на часах у которого до Перерыва оставалось ещё целых полторы минуты, не спешил:

– Позвольте, коллеги! У нас есть ещё время, достаточное для окончания данной темы. К тому же по вине некоторых ваших непунктуальных товарищей, я вынужден несколько задержать...

Но было слишком поздно: самые нетерпеливые студенты уже бежали к двери, не забыв свои сигареты. Преподаватель обречённо вздохнул.

Во время Перерыва в аудиторию вошли другие опоздавшие: Саша (известная на весь факультет тем, что – при всём своём огромном нежелании опаздывать – никогда и никуда не приходила в назначенный час. А уж к началу пары она, наверное, не смогла бы успеть даже в том случае, если в результате тектонических сдвигов земной коры её дом переместился бы на соседнюю с Университетом улицу) и Артур (уроженец солнечного Дагестана, закончивший математический лицей, что не могло не предопределить его страсти к цифрам, числам и коммерческим операциям с их участием). Эти двое пришли уже давно, почти одновременно с Лёхой, но из деликатности, полностью отсутствующей у последнего, решили во время занятия не входить. И соответствующий опоздательный опыт, и математически-логическая смекалка прекрасно давали им понять: Преподаватель подобного поведения не одобрит.

В отличие от виновато улыбающейся Саши, Артур был серьёзен: великолепный шанс продать музыкальный центр вдвое дороже, чем он сам купил его неделю назад, выдавался далеко не часто. Артур нервно проверил пейджер (помнит ли кто-нибудь сейчас такой девайс? На случай, если вам нет и тридцати, объясню: данное устройство позволяет его счаст-

ливому обладателю получать – но не отправлять! – информационные сообщения. Ни один серьёзный бизнесмен конца девяностых годов прошлого века не мог обойтись без него!) и осведомился, не видел ли кто случайно Виталика, его делового партнёра? Получив отрицательный ответ, он огорчился, сел за пустовавшую ранее первую парту и погрузился в чтение журнала "Коммерсантъ".

"Интересно, – думал Артур, – дозвонился Виталик до того чувака?"

А вот Лёхиной любимой газетой был "Спорт-Экспресс". И в отличие от Артура, читал он его не только на Перерыве, но и во время лекции тоже. Шурша при этом на всю аудиторию бумажными страницами и вгоняя в краску своих ближайших соседей, на которых часто останавливался недоуменный и недовольный взгляд Препода, пытающегося определить источник шума. Теперь, когда можно было не скрываться, наш герой гордо извлёк газету из-под парты и тут же принялся подсовывать её под нос Ване и Сане, закрывая таким образом их листочек с полем игры в "балду".

– Смотри, Ванёк! – возбуждённо сетовал Лёха. – Прочитай вот эту статью! Ты прикинь, чего этот козлик пишет! Что "Локо" в Кубке УЕФА ни хрена не светит! Не, ну ты прикинь! Прочитай статью!

– Блин, Лёха... – вяло отвечал Ваня, пока Саня в ожидании открытия бумажки с "балдой" протирал очки. – Ты мне мешаешь писать лекцию... А? Что, уже Перерыв?

– Слышь! – продолжал возмущаться Лёха. – Завязывай фигнёй страдать! Прочитай вот эту статью!.. О-о! Прячь газету, прячь газету!

Столь резкое изменение в риторике Лёхи вызвал вовсе не Препад, как вполне логично можно было бы предположить. Что нам какой-то Препад! Просто в этот самый момент в лекционную аудиторию зашла Катя (главная фанатка Зенита на факультете, не снимавшая шарф любимой команды даже в лютую жару), и по своему прошлому горькому опыту Лёха знал, что если она заметит его "Спорт-Экспресс", с газетой можно будет попрощаться как минимум на пару пар (извините за столь нелепый каламбур), а то и вовсе – до завтра. А зачем Лёхе завтра сегодняшний "Спорт-Экспресс"? Ценность у него ровно такая же, как и сегодня у вчерашнего, а именно – ценность макулатуры.

Российский спорт, также как российские типографии и российские журнальные киоски не делают перерывов. И поэтому у Лёхи каждый день была новая газета.

Вернулся Препад, засовываемый под стол "Спорт-Экспресс" громко зашуршал, Перерыв закончился.

А лекция, в свою очередь, продолжилась. Не сразу, конечно, а лишь после того, как спустя ещё пару минут возвратились последние – насквозь прокуренные – любители размять ноги. Препад всегда ждал их, ведь нельзя же лишать студента радости от познания диаграммы цикла Ренкина и урав-

нения Гиббса-Дюгема только из-за пагубной страсти этого студента к табаку. Сигаретный дым развеет ветер, пролитые жидкости впитает земля, но уравнение Гиббса-Дюгема вечно! Кому как не будущим пивоварам и виноделам, а также их собратьям по технологическому факультету молочникам и хлебникам знать об этом?

Кстати, начало второй половины пары часто сопровождается одним интересным феноменом, знакомым каждому, кто учился в похожем на наш Университете: вроде бы Перерыв уже завершился, лектор принялся что-то вещать, студенты в большинстве своём как будто собрались записывать – однако где-то в районе наиболее удалённых, уходящих вверх подобно ярусам древнегреческого амфитеатра рядов аудитории по-прежнему продолжают раздаваться некие намекающие на отсутствие нормального учебного процесса звуки. Я бы назвал этот феномен "векторным затуханием Перерыва". Чем дальше от Препода, тем сильнее сопротивление окружающей среды его несущему просвещению влиянию. А у противоположной кафедре стены оно максимально мощное. Но со временем преподавательская активность неизбежно побеждает, поскольку Преподы, как известно, излучают в инфо-волновом диапазоне, и длина волны прямо пропорциональна громкости голоса.

– Галёрка, вы мне мешаете, – повысил громкость Препод. – Если вы всё знаете, извольте не посещать мои лекции и не мешайте работать остальным.

Галёрка раздражала Препода. Порой у него даже возникало смутное подозрение, что студентов, сидящих на задних рядах, абсолютно не интересует дисциплина, которую он читал. Нет, невозможно. Это нелепое сомнение всегда очень быстро рассеивалось, так как защитная психологическая реакция сознания, главная задача которой сохранять рассудок Препода в более-менее близком к адекватному состоянию (что для работающего в сфере образования человека уже само по себе победа), не давала подобным предательским мыслям надолго закрепиться в голове и неистово гнала их оттуда вон. "Калорические коэффициенты – это же так интересно! – вдохновенно подумал Препод. – Только полные дэбилы⁵ не понимают этого!"

Галёрка между тем поутихла. И действительно, нельзя же так громко шуметь. Надо шуметь тихо – некоторые ведь и лекцию пишут. Таких людей надо беречь: во-первых, как исчезающий вид, а во-вторых, нужно же будет потом, где-то поближе к экзамену, взять у них тетрадку и сделать с неё ксерокопию.

Да, изобретение ксерокса здорово упростило студенческую жизнь! Проще может быть только снимать лекцию на камеру; правда, в девяносто девятом году существование такой возможности не могло привидеться студентам даже в са-

---

⁵ Автор использует здесь данное слово не как медицинский термин, а как ругательство. Автор вообще не имеет желаний кого-либо оскорбить, он лишь живописует окружающий мир.

мых радужных мечтах. Но и ксерокс со своей задачей справлялся вполне достойно. Не нужно было больше, подобно гайдаевскому Шурику, рыскать по Университету в поисках конспекта и читать его вдесятером одновременно с помощью бинокля. Прямо сказка – и за вполне доступную цену в полтора рубля за лист. Главное – брать конспект у правильных людей: тех, у кого разборчивый и не слишком размашистый почерк, а иначе можно сильно переплатить. Хотя если вам хватает на "Спорт-Экспресс", то уж на ксерокс вы всяко наскребёте! Это же не просто так, в конце концов, а ради высшего образования! Кому это нужно, в самом деле, Преподу или вам? Если ответ не выглядит вполне очевидным, тогда стоит присмотреться к ситуации чуть повнимательнее...

Препод своё дело знал: на доске появлялись всё новые и новые формулы. Затем, когда место закончилось, он потянул за верёвочку и поднял доску повыше, чтобы всем было хорошо видно. И таким образом открыл вторую, скрытую за первой и пока ещё не исписанную доску.

Серёга тоже перелистнул свой объёмистый конспект на следующую страницу и подумал: "Как меня всё это достало!"

"Да, скучный Препод. Я в шоке", – вздохнула про себя Лена.

"Ага", "Точно", "Согласен", – вторили ей Маша, Таня и Олег.

"Дозвонился ли Виталик тому чуваку?" – тревожился Артур.

"Курок – пять очков", – написал на листочке Ваня.

"Здорово было бы новый дисторшн⁶ для гитары купить", – мечтал Саня.

А в это время Лёха...

Раздался ужасающий, громкий и сдавленный звук. Все встрепенулись и на мгновение оцепенели. Препод осёкся на полуслове. Источник загадочного звука открылся ему, когда он проследил в направлении взглядов всех присутствующих.

– Лёха, блин... Ты достал, – устало произнёс Серёга.

– Ну, Лёша... – с трудом перевела дух Таня, лишь благодаря счастливой случайности на какие-то сантиметры разминувшаяся с пронесшейся мимо воздушно-капельной волной. – Ну почему нельзя прикрывать рот?

Лёха, однако, их не слышал и не видел. В носу предательски щекотало, ему безумно хотелось чихнуть ещё и ещё раз. "Фак! Фак!" – думал он, понимая, что если это случится – это будет катастрофа. Пытаясь обуздать свой организм, он предпринимал титанические усилия, но лишь вспомнив убедительные аргументы автора статьи "Второе чемпионство Мики Хаккинена"⁷, Лёха всё-таки сумел побороть своё порочное и пагубное желание чихать снова и снова. Гроза миновала.

---

⁶ Устройство, обеспечивающее звуковой эффект, достигаемый путём жёсткого ограничения сигнала по амплитуде (англ. distortion – искажение).

⁷ Мика Хаккинен – двукратный чемпион гонок формулы 1. Лёха интересовался не только футболом, но и другими видами спорта тоже.

"Просто дэградация какая-то", – подумал Препод уже во второй раз за сегодня.

С каждым годом он думал так всё чаще и чаще...

Но всё же Препод был настоящим профессионалом и по прошествии совсем недолгого времени нашёл в себе силы продолжить объяснение формул, связывающих термические и калорические коэффициенты.

– Итак, вернёмся к выражению "три звёздочки"... В дифференциальной форме данное уравнение выглядит следующим образом, и как вы несомненно уже заметили, у нас появляется возможность сократить эти две функции. Сокращаем. Отсюда мы получаем выражение "крестик"...

"Какой бред!" – подумал Серёга и старательно записал полученную формулу.

"Окурок – шесть очков", – записал в свою очередь Саня, чем заставил Ваню мрачно нахмуриться и задаться запоздалым вопросом "как я мог столь глупо слажать?"

Препод продолжал скрипеть мелом и объяснять, писать и одновременно рассказывать, и на доске друг за другом появились выражения "два крестика", "галочка" и "две галочки".

– Вам всё понятно? – спросил он, наконец повернувшись лицом к аудитории.

Большинство студентов, как водится, перестали понимать ещё где-то в районе "двух звёздочек", но, видимо не желая расстраивать Препода, ответили одобрительным гулом.

– Нет, мы не поняли! – сказали в один голос сидящие за третьей партой Катя С. и Катя М. (С первой из них – поклонницей "Зенита" – мы уже успели познакомиться на Перерыве, вторая же была более известна любовью к декоративным комнатным растениям, чем к спорту. Их можно было бы назвать Екатерина I и Екатерина II, но лично я, автор, не советовал бы так поступать. Вдруг обидятся. Ведь нам придётся уточнить: кто конкретно – первая, а кто – вторая. А поскольку чаще всего именно у кого-то из них одноклассники брали копировать лекции, то всякому было понятно: со столь важными особами лучше поддерживать хорошие отношения.)

Каждому студенту известно, что если уж ты чего-то на лекции не понял, то потом, ближе к экзамену – и подавно не поймёшь. Можно, конечно, спросить у Серёги... Но по правде сказать, его уже достало всем всё объяснять.

– Ну как же так, – укоризненно произнёс Преподаватель. – Я ведь так подробно рассказывал...

– Непонятно, каким образом вы из уравнения "две галочки" получили опять "три звёздочки"?

"И зачем вообще это было нужно", – добавили про себя Лена, Таня, Олег и очень, очень многие другие.

"А сколько вообще зарабатывает Преподаватель? – подумал Артур. – Интересно, ему центр не нужен?"

Преподаватель был вынужден пуститься в долгие и нудные разъяснения, перемежаемые дополнительными комментариями и отсылками к позапрошлой лекции (вы что, не помните по-

запрошлую лекцию? Это же было не далее как две недели назад!), чем вызвал крайнее неудовольствие большинства студентов (тех, которые всё "поняли" и всё "помнят"). Они знали: Преподаватель отнимет потраченное время от следующего Перерыва, что, вообще говоря, просто бессовестно.

Неудовольство своё студенты выражали посредством постепенно усиливающегося гудения. Но теперь они гудели совсем по-иному...

Возмущённо.

Преподаватель понял это по-своему: как желание скорее продолжить дальнейшее изучение такой интересной темы. И приободрился.

Лекция закончилась. Как всегда неожиданно (конечно вру: большинство только того и ждали). Студенты схватили пакеты, сумки, сумочки, рюкзаки и папки и, проигнорировав зачитываемый Преподавателем список дополнительной литературы, весело вылетели (а некоторые буквально вывалились) из аудитории.

Странно, в образовавшейся у дверей давке один из студентов движется в противоположную основному потоку сторону. Возможно, он что-то забыл?

Нет, не забыл. Даже наоборот – всегда помнит о своих первоочередных должностных обязанностях! Ведь этот студент не кто иной, как упомянутый ранее Дима – староста группы. И его цель – подать на подпись Преподавателю журнал по-

сещаемости.

"А вот Лёха говорил, что его не было на паре... Как же так?" – спросит внимательный и обладающий завидной памятью читатель.

"Разве не было?" – удивлённо отвечу я, автор. А Дима, услышав столь оскорбительное для него предположение, и вовсе возмущённо нахмурится и гневно взмахнёт журналом.

Да нет же! Был. Точно был! Просто слишком увлечённый своей газетой Лёха его не заметил. И кому вы, в конце концов, больше доверяете: уважаемому в самом деканате старосте или какому-то там Лёхе?

Лирическое отступление, часть 1

В славные времена СССР наше высшее учебное заведение было Институтом. Затем, в тысяча девятьсот девяносто пятом году, после соответствующей реструктуризации, ВУ-Зу присвоили высокое звание Академии. Именно в Академию поступали Лёха и остальные будущие пивовары в тысяча девятьсот девяносто восьмом. "Обучаться в Академии" – звучит весьма солидно, не правда ли? Клянусь зачёткой, ни один злопыхатель не посмел бы сказать Лёхе в лицо, что он не достоин именоваться академиком. Но жизнь не стоит на месте, и всего год спустя руководство ВУЗа решило замахнуться на большее, а именно: получить статус Университета. Захотело – и сделало, то есть – получило. Теперь наш ВУЗ стал именоваться Университетом Низкотемпературных и Пищевых Технологий (сохранив при этом старое доброе прозвище "Холодильник").

У многих далёких от понимания кулуарных тонкостей студентов немедленно возник один очень важный вопрос: "А в чём вообще разница?" (Как он мог не возникнуть? Ведь когда ты гордо расскажешь об этом изменении в названии ВУЗа друзьям, родственникам, соседям по подъезду – они тоже попросят у тебя разъяснения.) Поскольку я, автор, никаких полезных знакомств в ректорате или хотя бы в деканате не имею и обратиться за комментариями к вышестояще-

му начальству никак не могу, то что же мне остаётся? Лишь довольствоваться слухами, домыслами и личными наблюдениями – благо наблюдать было за чем...

Вот, например: присвоение нового звания поразительно точно совпало с ремонтом мужского туалета во втором корпусе. Говорят, это событие даже сопровождалось торжественным перерезанием красной ленточки проректором по хозяйственной части (если на самом деле такой должности не существует – неплохой повод её ввести). Отреставрированный сортир был не чета себе прежнему: светлая кафельная плитка приводила посетителей в совершеннейший восторг, удобные и уютные кабинки вызывали бурное и неподдельное восхищение, мусорный бачок поражал изяществом форм. Ни один – даже самый заядлый – курильщик не смел нарушить строжайший запрет ректора на курение в пределах ВУЗа, когда со стены на него укоризненно смотрело отражённое в зеркале над раковиной его собственное – изрядно помолодевшее благодаря мягкому освещению – румяное лицо. Лицо, прозревающее самую душу, как будто спрашивающее: "Неужели тебе не стыдно? Что бы сказала твоя старенькая бабушка, взгляни она на тебя сейчас? Разве ты не помнишь, как обещал ей никогда-никогда не брать в руки сигарету? Эх ты!.." Теперь курить ходили на улицу.

Новый сортир пробуждал самое лучшее в каждом, казалось бы, давно зачерствевшем сердце; и не зря Лёха утверждал, что вот именно такие туалеты у них в Кронштадте,

ведь патриотизм и любовь к своему городу – не похвальные ли и замечательные это чувства? И вовсе не важно, такие или же не такие сортиры в Кронштадте; главное, что Лёха сам в это верил, и от этой веры становился лучше.

И даже если не в наличии столь совершенных в техническом и дизайнерском плане туалетов заключается основное различие между Академией и Университетом – это тоже совершенно не имеет значения. Лично для меня, пускающего сейчас скупую слезу из уголка глаза автора сих строк, большего и не требуется. И я не боюсь во всеуслышание высказать своё мнение прямо здесь, под благодатной сенью этих энергосберегающих ламп дневного света!

"Просто дэбил какой-то", – разглядел я ненароком в глазах проходившего мимо Препода, явно возмущенного этим моим заявлением. Не суди его строго, взыскательный читатель. Вот если бы он был чуть менее образован, например, было бы у него не три, а всего лишь два высших образования, он бы, конечно, подумал несколько иначе, возможно, вот так: "Просто дэбил какой-то". С одним высшим образованием он подумал бы: "Просто дибил какой-то". А если бы у Препода вовсе не было высшего образования, он бы со мной согласился.

Пожалуй, это место в нашем повествовании подойдёт для того, чтобы уделить преподавателям немного дополнительного внимания. Некоторые читатели уже, вероятно, задава-

лись вопросом: "Что это ещё за какой-то безликий "Пре-под"? И что за предмет он преподаёт?" Прошу прощения, что столь долго не уделял данному вопросу должного внимания, но на самом деле всё очень просто: годы неудержимо убегают вдаль, и у любого бывшего студента, не обладающего феноменальной математической памятью, все многочисленные лекторы медленно и постепенно (но всё же неотвратимо) сливаются в некую абстрактную фигуру, наделённую поистине причудливыми и гипертрофированными чертами. Дисциплин в ВУЗе много (ведь Университет подразумевает универсальность знаний, а посему волей-неволей придётся изучить весь их спектр: от культурологии, философии и права до теоретической механики, начертательной геометрии и сопротивления материалов), много и преподавателей; и спустя двадцать лет ты уже не помнишь ни их лиц, ни фамилий (но если помнишь хотя бы названия предметов – значит их работа была проделана не зря).

Конечно, те дисциплины, которые условно могут считаться подготовительными к специальности, такие как, например, в случае студентов-биотехнологов: аналитическая и органическая химия, микробиология, биохимия, тепло- и хладотехника и ещё целый ворох других, менее очевидно необходимых... Короче говоря, некоторые предметы стоят особняком, и – соответственно – преподаватели этих дисциплин гордо возвышаются над тёмной пучиной потерянной памяти.

На занятия по этим дисциплинам мало кто смел цинично

и нагло забивать, особенно в том случае, если лектор проверял присутствующих по списку лично, а не наивно доверял расставление букв "н" коррумпированному старосте.

Но прийти на лекцию, ещё не значит – писать лекцию. Всё-таки это пока ещё не специальность. "Вот когда начнётся специальность – вот тогда надо будет поднапрячься, а сейчас... Кому вообще нужны эти метрология и стандартизация или макроэкономика?" Сколько раз я слышал подобные утверждения от одноклассников, да и студентов параллельных потоков тоже. Главное, мол, чтобы тебя не отчислили до начала специализации; и тогда, сразу и резко, ты примешься упорно заниматься, а на младших курсах излишняя суета не имеет абсолютно никакого смысла. Звучит вроде бы логично, но мои личные наблюдения говорят о том, что практически все, кто рассуждал подобным образом, и на старших курсах тоже (если им вообще удавалось до них продержаться) уверенно продолжали забивать и лоботрясничать – просто находили для этого другие поводы и доводы. *C'est la vie...*⁸

Так вот, на лекциях, допустим, по аналитической химии, у профессора Карасёва всегда был аншлаг. Однако после слов: "Уважаемая публика, сядьте!" – записывать начинали далеко не все. И поэтому на пути к усвоению лекционного материала у наиболее отличных отличников встречалось множество самых разных препятствий. Если сосед слева слушает плеер на угрожающем целостности барабанных перепо-

---

⁸ Такова жизнь (фр.)

нок уровне громкости и, не реагируя на внешние раздражители, вникает в новое творение группы "Руки Вверх!" – это ещё ладно, не обращайтесь внимания. Если сосед справа, толкая вас под локоть, интересуется насчёт административного центра Адыгеи (шесть букв, вторая "а", пятая "о"), то какой же вы отличник, если таких вещей не знаете? Не стоит также отвлекаться на возмущённые возгласы вроде: "Э-э! Слышь, откуда у тебя крестовый король?" или "А-восемь? Ранил..." – это не вам. Гораздо хуже, если у вашего виска просвистела запущенная с заднего ряда мятая бумажка. Разумеется, она была адресована тоже не вам, но это, право же, совершеннейшее безобразие. Даже самый правильный и прилежный отличник вряд ли будет способен в полной мере усвоить теоретические основы кислотно-основного и окислительно-восстановительного титрования.

Но профессор Карасёв своё дело знал, и отвлечь его было нелегко. Лишь изредка поворачивался он к бурлящей аудитории со словами: "Уважаемая публика, тише! Не мешайте своим коллегам!" Или например: "Уважаемая публика! Не забывайте, что через две недели у нас коллоквиум по данной теме!"

На эту фразу студенты реагировали по-разному. Некоторые легкомысленно: "Через две недели? Пфу! Ещё целых две недели – целое море времени..." А некоторые, наоборот, весьма озабоченно: "Что?! Две недели? Осталось только две недели? Я же не успею подготовиться! Блин, блин, блин..."

Предоставляю читателю самому решить: кто из них ботаник, а кто раздолбай.

Ну да ладно, что-то я отвлёкся. Часы уже показывают без пяти минут одиннадцать, а значит наступает время следующей пары. Сейчас прозвенит звонок, откроется дверь и на сцену – то есть на кафедру – выступит она...

Полибабкология

Многие её недолюбливали. Некоторых она раздражала. Были и такие, кого она порой просто бесила. Например, Саня питал к ней настолько стойкую неприязнь, что его буквально подбрасывало при одном только упоминании о преподавательнице политологии, получившей от студентов меткое прозвище Полибабка. Очки Сани, которыми он, к слову, запросто мог подпалить сигарету в достаточно солнечную погоду, мгновенно покрывались холодной испариной; губы начинали нервически подёргиваться; да и вообще, вплоть до самого окончания пары он впадал в мрачную меланхолию, иногда сопровождающуюся отчётливо слышимым скрежетанием зубов. Похоже, из всей группы он действительно был в наибольшей степени подвержен полибабкофобии.

"Да ладно тебе! Забей! Не обращай внимания", – советовали ему друзья. Но Саня только ещё болезненнее морщился, а если и отвечал, то – увы! – при всём торжестве гласности, плюрализма и свободы слова я не осмелюсь привести здесь его ответ даже частично. Тем более что он часто ездил в переполненном общественном транспорте в часы пик, а значит с витиеватыми и грязными ругательствами был знаком не понаслышке.

А вот Лёхе Полибабка нравилась. Нравилась исключительно потому, что жила в Зеленогорске, а у Лёхи в Зелено-

горске была дача. То есть Лёха и Полибабка были земляками. Ну разве это не повод поставить зачёт автоматом?

Предоставляю читателям самим решать, кто из этих двоих – Саня или Лёха – нетерпимый к особенностям чужого мировосприятия сухарь, а кто просто немного склонен к конформизму.

Лекционная аудитория наполнялась студенческим людом. Большинство было настроено куда более оптимистично, нежели Саня. Ещё бы! Если уж вы решили сходить на политологию (что для многих само по себе событие), то негоже на ней скучать. А поскольку политология в исполнении Полибабки вещь безумно поучительная, то немало было и тех, кто собирался эту лекцию ещё и писать, подчёркивая и выделяя наиболее важные и нужные места всевозможными подчёркивателями и выделителями самых разных цветов.

Между прочим, преподавательница уже давно о чём-то вдохновенно и самозабвенно вещает. Но не Перикл с Макиавелли⁹ и не демократия с феодализмом являются темой её монолога. Есть вещи поинтереснее. Послушайте сами:

– Вот вы знаете, как молодёжь называет олигархов? – обращается Полибабка к кому-то одному и одновременно ко всем сразу. – Не древнегреческих, конечно, а наших.

---

⁹ В тексте данной главы часто можно встретить упоминания о политических деятелях, философах и историках прошлого. Если уважаемые читатели обратят внимание на периодически возникающие при этом нелогичности и анахронизмы, значит они вполне достойны звания почётного политолога.

Студенты, естественно, не знают (или просто стесняются слишком уж выпячивать свои знания).

– Насосы! – гордо произносит Полибабка столь понравившееся ей определение. – Ну не забавно ли? Продолжаем лекцию... Ну так вот, Аристотель ещё до нашей эры утверждал, что... Коля Попков! Почему вы не пишете? Я вас запомнила, и теперь зачёт у меня вы получите только по предъявлению конспекта... Так, дальше, на чём я остановилась?... Да, Дени Дидро! Вы ведь наверняка слышали, что Дидро состоял в переписке с Екатериной Второй? Конечно слышали! И кто же они были, по-вашему, Вольтер и Дидро: писатели или всё же философы? Коля Попков, как вы думаете? Обязательно перепишите у кого-нибудь конспект... Да, конечно, это ведь только кажется, что идеи Томаса Джефферсона давно устарели, но в действительности... Вы понимаете, когда-нибудь вы вырастаете и станете такими же, как я...

"Неужели и у меня будут крашенные волосы?" – удивился Лёха.

"Ну, Полибабка, блин... Достала уже", – сказал сам себе Серёга.

"Дозвонился или нет Виталик? Где он вообще? Пролетим с центром..." – беспокоился Артур.

"Опять красная ручка закончилась. Ох, как не вовремя!" – подумала Катя М.

Полибабка, в отличие от студентов, думала сразу вслух:
– Вот вы, наверное, считаете: "Ну что там, политология

какая-то, дескать, что там на неё ходить..." Но я ведь, вы поймите, я ведь не люблю, когда меня обманывают, я ведь это всё помню. Вот вы, Коля Попков, что вы там делаете? Почему вы не пишете конспект? Вы понимаете, сейчас вам, может, и не интересно... А вот кто-нибудь вот вас вот спросит: "А кто такой Гуго Гроций?" Вот вы, Коля Попков, знаете, кто такой Гуго Гроций? Вот видите, оказывается вы и не знаете. А Гуго Гроций, я его хорошо знала, он в своём главном трактате... Вот у меня сын недавно попал в очень неудобное положение: недавно приезжали туристы из Голландии, а он и не знал, что Гуго Гроций – голландец. А вот представьте, ребята, встретите вы туристов из Голландии... Ну, в общем, понимаете, не надо меня обманывать. Вот мне очень понравилось, как Федя Тюлькин поступил. Вот надо было ему уйти, так он подошёл ко мне и отпросился. Молодец какой...

Все (ну почти все) любят забивать на лекции. Только забивать на политологию нужно правильно. Вот Федя Тюлькин – правильно забил. Так правильно, что его ещё и похвалили. Поэтому берите пример с Феди: забивая на политологию, не спешите, не суетитесь, не шифруйтесь от Полибабки и ни в коем случае не уходите с половины пары, что, если честно, абсолютно бессовестно. Всё что вам необходимо – это хорошенько подумать. Вы обязательно вспомните о каком-нибудь важном и неотложном деле. Удивительно, но именно на политологии у многих неожиданно обнаруживается масса

срочных дел: нужно ехать на вокзал и встретить троюродную тётю из Шапитовки; необходимо ровно в одиннадцать-ноль-ноль быть в поликлинике и забрать анализы; нужно незамедлительно ехать к стоматологу (хирургу, окулисту, проктологу – выражение лица соответствующее); необходимо срочно посетить жилконтору (автошколу, курсы английского языка, внезапно заболевшего дедушку). В крайнем случае вы наверняка вспомните, что забыли закрыть дома кран (выключить утюг, полить фикус на окошке, подсыпать Жучке корма). Вот и Федя Тюлькин подумал и вспомнил. Ну что ж, ему действительно очень хотелось спать.

Да, политология в нашем ВУЗе имела характер несколько хаотический. Она налетала на студентов подобно непредсказуемому морскому шквалу и так же легко уносилась прочь. И поскольку не все были готовы к повторному удару этой стихии, после короткого Перерыва (на политологии представляющего собой аналог "ока бури"¹⁰), студентов в аудитории стало ощутимо меньше. Оно и понятно: переключку Полибабка уже сделала – пора и честь знать. Артур, ясное дело, ушёл на курсы начинающих олигархов (или, говоря языком современной молодёжи, насосов), но куда делся Дима? Неужели его опять вызвали в деканат по какому-то чрезвычайно важному и безотлагательному вопросу? Наверняка так и есть. А

---

¹⁰ Глаз бури – область прояснения и относительно тихой погоды в центре урагана.

вот испытывавший во время первой половины лекции очередной – и по его виду сразу заметно, что весьма болезненный – приступ полибабкофобии Саня почему-то до сих пор сидит на своём месте... Что случилось, Санёк? Окно в расписании электричек? Вот так и страдает человек из-за гиблой политики РЖД... Ну что же, кто вовремя не спрятался – я не виноват: готовьтесь к получению очередной порции политологии Полибабкиного разлива.

Да, преподавательница не на шутку разошлась: её словесный поток превращает в фарш мозги присутствующих. Содержание – ерунда, главное – подача. Уникальное явление, скажу я вам! Передать такое сухими чёрными буквами на белом листе бумаги – задача не из лёгких, не способен простой книжный лист отразить столь могучую экспрессию. Но уж как есть...

Вдохнув поглубже, Полибабка повела разговор на одну из любимых своих тем: начала с жаром рассуждать о молодом поколении, об отсутствии у нынешней молодёжи духовных ценностей, моральных принципов и умственных способностей. Причём говорилось это тоном совершенно отвлечённым и добродушным, будто присутствующие в аудитории и не молодёжь вовсе, и при них, стало быть, можно говорить начистоту. Студенты реагировали по-разному: некоторые, не слишком хорошо подумав, вступали в дискуссию и изображали эдакое корректное несогласие; однако те, у кого цело и колосилось буйным цветом чувство юмора, активно под-

держивали Полибабку и, следом за ней, выражали своё глубочайшее возмущение.

– Вот вы, наверное, знаете, – проповедовала преподавательница, – молодёжь сейчас очень любит кроссворды разгадывать. Такой у меня случай буквально накануне был... Еду я, значит, в поезде, а напротив сидят два молодых человека и разгадывают. Это я к тому говорю, что молодёжь у нас постепенно деградирует. Да, да! Не спорьте! Ведь они не смогли ответить на вопрос: "Главная работа английского философа семнадцатого века Томаса Гоббса". Вы не смейтесь, действительно молодёжь этого не знает!

– Подумаешь, я тоже не знаю, – сказал в четверть голоса Лёха (что означало в его случае стандартное "вполголоса" – то есть тихо). – Слышь, Ванёк, а как эта фигня называется? – спросил он у своего соседа.

– Хе-хе... – мгновенно провёл параллель Ваня. – Спроси у Полибабки после лекции. А то ты прямо как молодёжь какая-то. Балбес, короче...

– Слышь!.. – угрожающе протянул Лёха и недовольно насупился.

– Ладно, ладно... "Левиафан" называется. Полибабка уже раз пять эту историю рассказывала.

Тем временем преподавательница внезапно перешла к другому конструктивному вопросу: "Входила ли Армения в состав империи Александра Македонского?" Виновником такого резкого (и при этом вполне обычного на политологии)

поворота штурвала естественно послужил Ваги, студент по обмену из Еревана, которого Полибабка заметила при беглом сканировании аудитории. Проблема точного установления древнемакедонских границ была концептуально важной и притом застарелой – спор, то затихая, то вновь ярко вспыхивая, длился уже несколько занятий. Полибабка, перенасыщенная знаниями по истории той эпохи, тем не менее была бессильна против горячего патриотизма Ваги. Он решительно отметал все научно-политологические доводы, ставящие под сомнение независимость Армении и бросающие тень на её славное прошлое. И в конце концов Полибабка поняла: эрудированность – плохое оружие против патриотизма и национального самосознания. Поэтому она решила закончить дискуссию на оптимистической ноте:

– Ну ладно. Что мы тут, действительно, спорим? Ведь главное-то, чтобы люди жили дружно, чтобы не было никаких межнациональных конфликтов. А то сейчас вон, посмотрите, какие ужасные вещи происходят – это же просто, я не знаю, ужас какой-то. Вот вы, наверное, не помните, не знаете, а я вам скажу, что вот когда ещё Советский Союз был, все пятнадцать республик входили в состав СССР, и все друг с другом дружно жили. Вот и Армения когда входила в СССР, разве было плохо? Разве плохо было? Было разве плохо? Вот я помню, я ещё тогда...

Аудитория оживилась. Все предполагали, что Полибабка сейчас начнёт рассказывать о том, как ей жилось при совет-

ской власти. Такие агитации со стороны преподавателей были привычны для студентов, менялись лишь названия политических партий в зависимости от личных предпочтений каждого отдельного преподавателя. Один особо предприимчивый студент, видимо рассчитывая на некую выгоду на экзамене, даже вступил таким образом в ЛДПР.

Но сейчас всё пошло по несколько иному сценарию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.